

Konstantin V. Vershinin, Marianna Yu. Andreycheva
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

OLD RUSSIAN ETHNOGENEALOGICAL TREATISE (PART 1)

The paper introduces a hitherto uninvestigated piece of Old Russian literacy — a nameless text. Given its content, it is proposed to qualify it as an ethnogenealogical treatise. The authors know the piece from Metropolitan Macarius' Great Menaion Reader, two more copies of the 17th century and two fragments of the early 15th and 17th centuries. The basis of the text is a commentary on Psalm 82 aligned with the contents of the entry for the year 6604 (1096) of the Primary Chronicle. The forepart of the paper provides an edition of the piece and an archaeological commentary. It is concluded that the full copies of the treatise contain farther additions. The original shape of the piece is reconstructed. A detailed study is expected in the latter part of the paper.

Keywords: ethnogenealogy, Primary Chronicle, Psalm 82, Great Menaion Reader, Old Russian literacy

УДК 94(47).043 ББК 63.3(2)44 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.004

Чарльз Дж. Гальперин *chalperi@indiana.edu*

Институт России и Восточной Европы Университета Индианы, США. *chalperi@indiana.edu*

ХАН И ЭЛИТА: МОСКОВСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА IV

Михаил Хоп предположил, что в рамках политической культуры Монгольской империи и ее преемников было две традиции: безграничная власть правителя, такого как Чингисхан, и коллегиальная консенсуальная власть — курултай. Согласно московским посольским книгам (Крымским делам) времени правления Ивана IV, московский двор воспринимал политическую культуру Крымского ханства, преемника Улуса Джучи, как сообразную второй парадигме — консенсуального коллегиального государства. *Ключевые слова: Иван IV, Москва, Крымское ханство, элита, политическая культура, консенсуальный, коллегиальный*

Дискуссия о татарском влиянии на политическую структуру России меняет направление при смене интерпретации природы монгольской политической культуры. Во времена «холодной войны» Монгольская империя и ее преемники считались примерами восточного деспотизма, поэтому утверждалось, что Улус Джучи (Золотая Орда) превратила Россию в восточный деспотизм [Wittfogel]. Когда историки, специализирующиеся на внутренней Азии, стали подчеркивать коллегиальные и консенсуальные элементы Монгольской империи, некоторые специалисты по Московской Руси стали интерпретировать такие черты московской политической культуры, как Дума и Земский собор, как продукты татарского влияния [Ostrowski, 1990; Ostrowski, 1998, p. 1–132; Ostrowski, 2002; Ostrowski, 2004]. Теперь М. Хоп сделал убедительное предположение, что монгольская политическая культура содержала две политические традиции: одна — фактически безграничной монархической власти, олицетворяемая в первую очередь властью самого Чингисхана, вторая — консенсуального коллегиального правления, институционализированная, среди прочего, в проведении курултаев для решения политических и военных задач [Норе]. Поэтому Москва могла унаследовать или заимствовать от татар и авторитарную и консенсуальную модели политической культуры.

Источники времени правления Ивана IV предоставляют значимые свидетельства того, как московская политическая элита воспринимала политическую культуру Крымского ханства — «внука» мировой Монгольской империи. Крымские дела из посольских книг дают детальную информацию об отношениях Московии с Крымским ханством. Две недавно опубликованные книги предоставили историкам доступ к богатым архивным свидетельствам¹. В Посольском приказе составили последовательный дипломатический нарратив из исходных материалов записок, инструкций, посланий и отчетов своих чиновников². Московско-крымские дипломатические контакты были особенно интенсивными между 1567 и 1577 г., включая оттоманско-крымскую попытку завоевать Астрахань в 1569 г., сожжение крымчанами Москвы в 1571 г. и битву при Молодах в 1572 г.

Московские переводчики не имели сложностей при взаимодействии с оттоманизированным крымским тюркским языком дипломатической корреспонденции из Крыма в Москву, хотя переписчики порой путали тюркские имена [Малов, с. 20].

Московская элита владела обширными знаниями о политической ситуации в Крыму. Московия знала персонально всех политических игроков Крымского ханства. Иван IV и иногда царевич Иван переписывались с большинством из них. Входящие и исходящие грамоты были сохранены в государственном архиве, хотя, очевидно, переписку с второстепенными членами элиты не включили в посольские книги [Виноградов, 2015, с. 33]. Корреспонденцией обменивались не только с ханом (царем) Девлет-Гиреем, но и с его официальным наследником — калгой, царевичем

¹ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, комментарии А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; приложения А. М. Галенко, И. А. Мустакимов (далее — ПК 1571–1577). М., 2015; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 / Отв. ред. М. В. Моисеев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, комментарии А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев (далее — ПК 1567–1572). М., 2016. Эти выпуски перекрываются хронологически [Малов, с. 4].

² Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.

(султаном) Магмет-Гиреем (Мухаммед-Гиреем) и с другими царевичами (ханскими сыновьями): Абдыл-Гиреем, Алп-Гиреем, Ислам-Гиреем, Казы-Гиреем, Бити-Гиреем, Мубарек-Гиреем и Саип-Гиреем, а также старшим сыном калги Саадат-Гиреем³. Учитывая понимание Москвой той роли знатных женщин — жен и матерей Чингисидов, — которую они играли в политике Крыма, подобные коммуникации распространялись и на татарских женщин. Иван обменивался письмами с царицей (ханшей, женой хана) Анабим-хатунь (Аиша-Салтан, Аиша-Фатма-Салтан), первой женой Девлет-Гирея и матерью калги Магмет-Гирея и Айль-Гирея, и другими его женами: Хансюр (Хан Суюр, Хан Сурет), а также с Ханикей, Перхан, Хантотай и Ширван. Москва также коммуницировала с политически активными нечингисидами под предводительством князя (бека) Сулеша (Сулейман-шаха), амиата, посредника в дипломатических отношениях между Москвой и ханством, который утверждал, что он и его сыновья были слугами Ивана; беками или князьями Сулейман-ишаном (Сулейманши), Мурад-мурзой, Ахмет-мурзой пашой, Арасланом-Мурзой и Янши-Пашой — все они иногда назывались «сыновьями Сулеша» (Сулешовы); с Муртаза-Миразом и его братом Мустафой-Ага, князем Касыма или Касима, членом дивана; князем Дивеем и карачи-бегом⁴, главой Мангыта или клана Мансура, и князем Ази из клана Ширина; все они считались приближенными людьми [Виноградов, 2015, с. 54], вместе с Муслы-аталыком и Дербиш-аталыком. Гонцы из Крыма приносили письма Ивану от хана, калги, царевичей, цариц, князей и мурз (мирз, нечингисидской знати)⁵.

Князь Сулеш и его сыновья были агентами Москвы, но так же было и с другими крымчанами. Князь Мустафа-Ага писал Ивану, что его правое плечо служит хану Девлет-Гирею, а его левое плечо служит Ивану⁶.

Москва не избегала попыток влиять на решения о персоналиях в Крыму, особенно на то, кого хан послал бы в Москву. Московский посол предлагал хану отправить в качестве послов одного из трех ближних людей⁷: Гамзамирзу брата Мустафы, или Сефер-мирзу брата Мурата, или аталыка Дервиша, или, по крайней мере, кого-то из хорошего крымского племени⁸.

Московские посольские книги описывали политическую культуру Крымского ханства как коллегиальную и консенсуальную, требующую от хана советоваться со своей элитой при принятии важных решений. Москва, без сомнения, настаивала, чтобы элита ратифицировала действия хана, такие как вступление в альянс с Москвой. Крымское ханство в ответ настаивало, чтобы их политические решения были ратифицированы и ханом, и правящим кланом, и элитой. Даже более интригующим является тот факт, что московские чиновники разрабатывали московскую политическую терминологию в отношении Крымского ханства, используя для рассказа о крымских делах московский политический дискурс.

При описании совета хана со своей элитой, посольские книги используют московский термин: проведение Думы. Сам совет передавался глаголом придумати⁹. Хан проводил некий съезд, думу¹⁰. Он не только проводил думу с уланами (огланами, элитной кавалерией), князьями и карачи-беями, но и формулировка согласия участников консультаций выражалась в Крымских делах еще одним словом из московского политического дискурса: карачи-беи приговорили с ханом¹¹. Ср. в московских декретах: царь указал и бояре приговорили¹².

Девлет-Гирей и царевичи думали с князем Селимом, атаковать ли московскую границу¹³. Девлет также обсуждал послание Ивана с царевичами, карачи, уланами, князьями и мурзами¹⁴. Посланники от царя, царевичей, цариц, князей и мирз ездили в Москву¹⁵. Москва настаивала, что принесения присяги только Девлетом недостаточно, чтобы пребывать в условиях предложенного московско-крымского альянса: калга, царевичи, карачи, уланы, князья, мурзы, аталыки (опекуны, или наставники, дословно «дяди» Чингисидов, как правило, младших) все должны принять присягу¹⁶. А. В. Малов в своих комментариях описывает собрание, в котором ханская элита приносила присягу, как курултай¹⁷. Девлет-Гирей обещал, что если Иван отдаст ему и его сыновьям Казань и Астрахань, то царевичи, карачи, князья, хорошие дворяне (другой московский термин для членов двора, царского домохозяйства), князья и все уланы принесут «сильную шерт» Ивану¹⁸.

Калга Магмет-Гирей писал Ивану, что его отец объявил перед всеми карачи-беями и лучшими людьми (обычное выражение в московских источниках) о своем желании дружбы между Москвой и Крымом¹⁹.

³ См.: Именной указатель // ПК 1567–1572. С. 380–931; Аннотированный именной указатель // ПК 1571–1577. С. 343–365 (в этом указателе упомянуты все имена крымчан).

⁴ Карачи (буквально: черные) беги были главами четырех из пяти главных крымских кланов, составлявших вершину кланово-племенной аристократии нечингисидов [Schamiloglu].

⁵ ПК 1571–1577. С. 223–224.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ В основном Крым посылал в Москву гонцов, имевших более низкий дипломатический статус.

⁸ ПК 1571–1577. С. 258.

⁹ ПК 1567–1572. С. 78, 96.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Любопытно, что в книге «Крымские дела» я не нашел ни одного предложения, где бы упоминалось, что хан «указал».

¹³ ПК 1571–1577. С. 65.

¹⁴ ПК 1567–1572. С. 161, 172.

¹⁵ ПК 1571–1577. С. 61.

¹⁶ ПК 1567–1572. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 362, примеч. ххi.

¹⁸ ПК 1571–1577. С. 83–84.

¹⁹ Там же. С. 87.

В посольских книгах записано, что Девлет с царевичами, карачи-беями, уланами, князьями, мирзами и всей землей приговорили к союзу с королем Польши²⁰. Царевичи, князья, мирзы и «вся земля» сказали Девлету напасть на Белёв, Одоев и Козельск, и хан, царевичи и «вся земля» приговорили напасть на Козельск²¹. Крымский посол доказывал Москве, что хан Девлет, калга Магмет-Гирей, царевичи и вся Крымская земля желают мира и дружбы с Москвией²². Обращение ко «всей земле» или к «Крымской земле» соответствовало «земельной» системе обозначения государств на Руси, сформулированной во время киевского периода, наиболее известной по концепту Русской земли. Такая «земельная» терминология появилась не среди степных кочевников, чья самоидентификация была организована вокруг людей, а не территории. Однако некоторые историки интерпретируют аллюзии к «землям» среди татар как ссылку на курултай.

Москва просила хана послать Ивану ближнего человека²³, такой же термин использовался для ближних людей в Московском кремле и обозначал членов Ближней думы²⁴. Многие князья были ближними людьми²⁵. Московские послы должны были узнать, какие из князей были ближними людьми²⁶. Иван в послании Алей-Мирзе из клана Ширинов, принадлежащего к четырем кланам карачи, польстил ему замечанием, что Иван слышал, будто хан и калга обращали внимание на него во всякой ближней думе²⁷. Я не думаю, что это ссылка на институт, называемый Ближней Думой, как в Москве. А. В. Виноградов предполагает, что ближняя дума означает диван в смысле «Совет»²⁸, возможно, «совет» четырех карачи-беев.

Московский посол в Крыму утверждал, что не только хан, но также царевичи, карачи, князья, уланы и приближенные люди клялись делать правду в своей присяге Ивану²⁹. Если Девлет сперва поклялся делать правду Ивану один, без каких-либо князей, царевичей, карачей или уланов, позднее он выпустил шертную грамоту, в которой он, все его царевичи, карачи, князья и уланы поклялись делать правду Ивану³⁰.

Когда Иван просил Девлета отправить его сына Мурат-мирзу в Путивль в качестве посла, ханские карачи и князья, а не Девлет, ответили, что это было бы неудобно³¹. Московским послам было велено расположиться с князьями, мурзами, царским человеком или любимыми ближними царскими персонами³².

Аналогии между Крымом и Москвой простираются даже на низшие слои социальной структуры. Московским послам велено установить мнение о московском альянсе черных людей — этим термином московские источники обозначали низшие классы³³. Представитель Москвы в Крыму сообщал, что царевичи, все князья, мирзы и черные люди хотели быть в мире с Москвой. Он идентифицировал ряд ближних людей хана: князь Мурат Сулешев сын, князь Касим Куликов и князь Мурат-Казы. Князь Мустафа и его брат князь Муртоза-Ага всегда сопровождали хана. Сулеш князь Перекопский и Муслы-агалык всюду сопровождали калгу. Царевич Абдыл нигде не ходил без князя Сефера Сулешева сына Муратова, младшего сына князя Сулеша³⁴.

На такие вопросы Сулеша, любых ближних людей, других князей или мирз, как: почему Москва не послала писем или подарков отдельной миссией ханской матери, другим царицам или младшим царевичам, а послала лишь Девлету, калге и другим младшим царевичам, представители Москвы в Крыму должны были ответить, что это все потому, что в настоящее время дружбы между Москвой и Крымом не было, но Москва могла бы продолжить посылать свои щедрые дары большому кругу элиты, когда бы дружба была восстановлена³⁵.

Москва отмечала, что даже среди Гиреев, не говоря уже об элите в целом, отсутствует единодушие, что было могло быть только в случае, если хан не смог его обеспечить. Посольский приказ велел послу тайно проведать, враждовал ли калга со своими братьями. Любили ли князья и мирзы калгу Магмет-Гирея? Хотели ли они, чтобы Магмет-Гирей принял трон, когда умрет хан Девлет-Гирей, или они более благоволили его брату Абдыл-Гирею либо другому царевичу³⁶. Если же Девлет-Гирей умер и пока никто не заменил его, то подарки Ивана, посланные Девлету, следует отдать матери калги Магмет-Гирея, царице Анабим, чтобы та отдала их своему сыну Магмету, а дары, которые Иван послал Магмету, также следует передать Анабим, чтобы та передала их следующему царевичу на очереди к трону Абдыл-Гирею. Посол должен был обратиться к хану, кем бы он ни был, и поощрить князей и мирз, ставших новыми ближними людьми, кем бы они ни были. В случае же вторжения турецкого султана, который

²⁰ ПК 1567–1572. С. 95.

²¹ ПК 1571–1577. С. 75–76.

²² Там же. С. 159.

²³ ПК 1567–1572. С. 80.

²⁴ Историки расходятся во мнении, была ли Ближняя Дума самостоятельным институтом в Московской администрации, или находилась в составе Думы.

²⁵ ПК 1571–1577. С. 172.

²⁶ Там же. С. 178.

²⁷ ПК 1567–1572. С. 339.

²⁸ [Виноградов, 2016, с. 34]; ПК 1571–1777. С. 66, № 37; 350.

²⁹ ПК 1571–1577. С. 94–95.

³⁰ Там же. С. 149.

³¹ Там же. С. 108.

³² Там же. С. 127.

³³ ПК 1567–1572. С. 318.

³⁴ ПК 1571–1577. С. 187, 261.

³⁵ Там же. С. 103, 174.

³⁶ Там же. С. 181.

не посадит на трон никого из сыновей Девлет-Гирея, посол должен действовать по ситуации³⁷. Можно выделить два элемента этих планов с непредвиденными обстоятельствами: первый — неременное уважение к старшей жене хана, и второй — невозможность видения Девлет-Гирея абсолютным правителем. Если бы Девлет пользовался безграничной властью, то все, что ему следовало сделать, чтобы посадить на трон своего преемника, — это объявить имя своего сына в качестве наследника, независимо от того, чего хотела крымская элита, а тем более султан.

Выводы: хорошо информированный московский дипломатический истеблишмент не пребывал в иллюзии, что крымский хан был восточным деспотом, который самостоятельно мог определять внешнюю политику своего ханства. При принятии решений хан должен был советоваться со своей элитой, Чингисидами и нечингисидами и делал это. Хан понимал, что он обязан демонстрировать эти советы, и неоднократно показывал Москве, что элита согласна с принятыми решениями. Московские послы настаивали, чтобы хан согласовывал свои решения с элитой, дабы избежать использования ханом недостаточного единодушия в качестве оправдания за невыполнение его обещаний Москве. В московских посольских источниках крымский хан никогда не действовал в одностороннем порядке, не утверждал, что действовал единолично, и это было требованием Москвы. В глазах Москвы политическая структура Крымского ханства второй половины XVI в. следовала за согласованной, консенсуальной традицией Монгольской империи.

Более того, политическая структура Крымского ханства также имела общие черты с московской политической структурой. Правитель в каждой из них функционировал в условиях того же дискурса консультаций в рамках совместимых придворных структур: хан и его ближние люди встречались в Думе, элита приговаривала все решения, элита включала лучших людей и придворных, членов царской семьи и дворян [Vogatyrev]. Внимание к женщинам отличало Крымский двор от Московского.

Этот вывод можно рассмотреть в контексте восприятия Москвой ее степных соседей. Во-первых, монахи — составители Степенной книги в 1560-х годах приписывали решения в Казанском ханстве до его завоевания Москвой в 1552 г. членам ханского двора и мусульманскому религиозному истеблишменту [Halperin, 2010a]. Крымские дела не упоминали улемов.

Во-вторых, в их статейных списках московский дипломатический корпус продвигал свою собственную социальную и политическую терминологию при дворах Швеции, Англии и Священной Римской империи в большей степени, чем при дворе Османской империи, воспринимая Истамбул как куда меньший по значению, чем Москва, в отличие от Стокгольма, Лондона или Вены [Halperin, 2010b]. Казалось, что москвиты считали Крымское ханство гораздо больше напоминавшим Московию, чем Османская империя. Очевидно, все государства, основанные степными кочевниками внутренней Азии, в умах москвитов не были подобными. Возможно, присутствие Чингисидов на иностранном троне было ключевой детерминантой московских отношений. Этот аспект восприятия москвитами Степи требует дальнейшего изучения.

Литература

- Виноградов А. В., Малов А. В. Четырнадцатая крымская посольская книга в русско-крымских отношениях 1571–1577 гг. // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова, Г. А. Тарасова; статьи, комментарии А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, О. С. Смирнова, В. Н. Сокуров; приложения А. М. Галенко, И. А. Мустакимов. М., 2015. С. 31–59.
- Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 1567–1572 гг. в тринадцатой крымской посольской книге // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 / Отв. ред. М. В. Моисеев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, комментарии А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. М., 2016. С. 34–45.
- Малов А. В. Состав и структура Тринадцатой крымской посольской книги (1567–1572 гг.) (На правах археографического предисловия) // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 / Отв. ред. М. В. Моисеев; подгот. текста А. В. Малов, О. С. Смирнова; статьи, комментарии А. В. Виноградов, И. В. Зайцев, А. В. Малов, М. В. Моисеев. М., 2016. С. 7–28.
- Vogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Saarjærvi, 2000.
- Halperin Ch. J. The Muscovite Attitude toward the Outside World During the Reign of Ivan IV: Stepennaia kniga // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова / Сост. Д. А. Мустафина и М. С. Гатин; ред. И. Я. Гилязов, Казань, 2010. С. 188–201. [Halperin, 2010a]
- Halperin Ch. J. Russia between East and West: Diplomatic Reports during the Reign of Ivan IV // Saluting Aaron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Subjects / Ed. in Y. Mazour-Matusevich and A. S. Korros. Leiden, 2010. P. 81–103. [Halperin, 2010b]
- Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford, 2016.
- Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. P. 525–542.
- Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier. Cambridge, 1998.
- Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44. P. 534–563.

³⁷ Там же. С. 281–285.

Ostrowski D. The Assembly of the Land (Zemskii sobor) as a Representative Institution // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia* / Ed. by J. Kotilaine and M. I. Poe. London, 2004. P. 117–141.
Schamiloğlu U. The Qaraci Beys of the Late Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. Vol. 4. P. 283–297.
Wittfogel K. A. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.

Charles J. Halperin
Russian and East European Institute of Indiana, USA

THE KHAN AND THE ELITE: THE MUSCOVITE PERCEPTION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE
CRIMEAN KHANATE DURING THE REIGN OF IVAN IV

Michael Hope suggested that within the framework of the political culture of the Mongol empire and its successors there were two traditions: the unlimited power of a ruler, such as Chingiz-Khan, and collegial consensual power, such as the *qurultai*. According to the Moscow embassy books (Crimean affairs) of the reign of Ivan IV, the Moscow court perceived the political culture of the Crimean Khanate, the successor of Ulus Juchi, as consistent with the second paradigm – a consensual collegial state.

Keywords: Ivan IV, Muscovy, Crimean Khanate, elite, political culture, consensual, collegiate

УДК 9.94 ББК 63.3(2)4 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.005

Т. В. Гимон
ИВИ РАН, Москва, Россия gimontv@mail.ru

НОВГОРОДСКИЕ ВЛАДЫЧНЫЕ ЛЕТОПИСЦЫ
ВТОРОЙ ТРЕТИ XIV – НАЧАЛА XV в.¹

А. А. Гиппиус выявил в тексте Новгородской I летописи моменты смены архиепископских летописцев, пополнявших летопись в XII – начале XIV в. Аналогичные выводы были сделаны А. Г. Бобровым в отношении текста за XV в. В настоящей статье делается ряд наблюдений над промежуточным текстом, за 1331–1421 г., позволяющих предварительно говорить о том, что в этот период, как и прежде, и впоследствии, летописцы, как правило, сменялись вслед за их патронами – архиепископами.

Ключевые слова: Древняя Русь, источниковедение, летописание, Новгородская I летопись, Новгород

Предпринятый А. А. Гиппиусом [Гиппиус, 1996, с. 13–26; Гиппиус, 2006] систематический анализ языка и стиля статей Новгородской I летописи (далее – Н1) за XII – начало XIV в. позволил выявить моменты смены авторов. В большинстве случаев эти моменты совпадают по времени (точно или примерно) со сменами архиепископов, а значит, летописание в Новгороде велось из года в год и было владычным². Как показывает пример пономаря Тимофея (XIII в.), а также, вероятно, Кирика и Германа Вояты (XII в.), владычными летописцами были клирики, исполнявшие по поручению архиепископов и ряд секретарских обязанностей [Гиппиус, 1992; Гиппиус, 1996, с. 23]. Результаты исследования А. А. Гиппиуса открыли новые возможности как лингвистического, так и источниковедческого исследования новгородской летописи: теперь мы можем сопоставлять язык конкретных летописцев, манеру их работы, круг интересов, взгляды и т. д.

Для XV в. сегментацию новгородской летописи предложил А. Г. Бобров. «Техническим руководителем» «непрерывно ведущей летописи» начала XV в. ученый считает Матфея Кусова (см. подробнее ниже). Последняя статья, которую А. Г. Бобров связывает с деятельностью Матфея, – 6929 (1421) г. [Бобров, 2001, с. 80–84, 180]. Летописание времени Феодосия (1421–1424), который был избран на волне восстания, но так и не рукоположен, дошло до нас, по мнению А. Г. Боброва, в виде жалких фрагментов в Н1 младшего извода (далее – Н1мл.), поскольку подверглось ревизии при Евфимии I [Бобров, 2001, с. 84–89]. Следующий сегмент – «весьма лапидарные» записи времени Евфимия I (до статьи Н1мл. 6936 (1428) г.) [Бобров, 2001, с. 90–91]. При Евфимии II, согласно А. Г. Боброву, велась активная сводческая работа, но в то же время делались и погодные записи, отразившиеся в разных сводах [Бобров, 2001, с. 186–194, 218, 231–233 и др.]. Анализируя способы датировок, А. Г. Бобров показал, что на рубеж статей 6965–6966 (1457–1458) г. приходится граница между летописями архиепископов Евфимия II (ум. 1458) и Ионы [Бобров, 2008]. В двух списках Новгородской IV летописи сохранились, согласно А. Г. Боброву, новгородские записи за 1470–1476 г., стиль которых резко отличается от статей за предыдущие годы. После смерти владыки Ионы (в 1470 г.) официальное летописание перешло, согласно ученому, «в руки магистрата», то есть стало на короткое время светским [Бобров, 2001, с. 238–239]. Наконец, последний (перед утратой Новгородом независимости) фрагмент «городского» летописания предположительно дошел до нас в статье 6985 (1477) г. Устюжской летописи [Бобров, 2001, с. 239–240].

А. Тимберлейк предложил сегментацию текста Лаврентьевской летописи за 6685–6701 (1177–1203) г. [Timberlake, 2000]. Мои наблюдения над тематикой сообщений и формуляром известий о церковном

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ). Новгородская I летопись цитируется по изданию: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

² То и другое было понятно и раньше (см. отсылки: [Гимон, 2005, с. 318–319]), но получило теперь весьма солидное подтверждение.

